

С. А. Осколков

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА?

Миссия культуры и искусства

Определим культуру, как этику поведения в принципе, владение человеческими и человеческими способами действия и общения – с другими людьми, с Богом, с окружающим миром и с искусством. Обладание культурой – это включенность в сферу человеческого, связь с историей и способность к восприятию высших способов осознания человеком самого себя в мире. Миссия культуры – формирование и углубление этих высших способов самоосмысления, а таким образом – постоянное углубление идей гуманизма. Миссия искусства – нести красоту, как предельный образец самоосмысления, то есть самоосмысления перед лицом трансценденции: гуманизм в высшем смысле.

Творчество всегда обращено к людям, адресованность публике встроена в его внутреннюю природу. Художник выступает, как посредник между тем, что «диктует» ему извне – будь то Бог, или мир, или общечеловеческие ценности, кристаллизующиеся в его творении, – и аудиторией. Это не означает, что художник зависим от публики или угождает ей, но он представляет себе свою публику, и следует тому образу публики, к которому обращено то, что через него «адресовано», несет людям это «послание». Таково самоощущение творца.

Также есть задачи по созданию произведения, по его художественной организации, формированию материи в некий художественный объект. Но адресованность означает, что задача художника – воплотить нечто большее, чем просто совокупность слаженных и гармоничных материальных деталей. Искусство отличается от простого формотворчества. А его обращенность к людям отличается от простой жажды признания.

В старые времена миссия искусства была религиозной – миссией по выражению божественного. Но сейчас мы не будем говорить именно о божественном, также мы можем сказать об универсальном, о собственно культурном, о гуманном и общечеловеческом.

И вот в современных условиях возникает вопрос: актуальна ли еще эта миссия культуры и искусства? Выполнима ли она в нынешней ситуации? Можем ли мы по-прежнему говорить о сохранении подобного идеала, или все обстоятельства настолько кардинально и катастрофически изменились, что это перестало быть возможным?

Кризис традиции

Этот вопрос связан с тем, что в современном мире мы действительно наблюдаем весьма серьезные преобразования, ставящие вышеописанные утверждения под сомнение. Тема секции «Традиционные ценности и будущее культуры» сформулирована не случайно: она обращает внимание не просто на всегдашний конфликт поколений или проблему борьбы старого и нового. Кажется, современный культурный разрыв имеет куда более глубокий и фундаментальный характер. Может ли случиться такое, что этот разрыв означает конец культуры и искусства вообще – по крайней мере в предложенном нами выше понимании?

Культура и искусство во все времена переживали множество периодов взлетов и падений, и должно быть, не в первый раз в истории современникам кажется, что настали последние времена, разверзается пропасть, и всю культуру, всё искусство, всё, что было ценного и универсального, ждет тотальное завершение. Вспомним, что еще в XIX веке Н. А. Римский-Корсаков говорил, что Шопен написал последнюю ноту в музыке, и такие высказывания в истории искусства регулярны – что никогда не мешало ему успешно развиваться дальше и выходить на новый уровень. После периодов кризиса и упадка всегда наступали новые эпохи расцвета, порождающие такие формы творчества, познания и самоосмысления,

которые прежде были вовсе немыслимы. Имеем ли мы дело с одним из таких диалектических отрицаний в преддверие нового невиданного доселе утверждения? Или речь идет о чем-то, выходящем за пределы этой старой диалектической логики?

В прежние времена один способ самопостижения сменялся другим, на смену одной художественной традиции приходила другая, одна вера разрушалась, но восставала новая, еще более глубокая и проникновенная. Но современная ситуация отличается от прежних времен: неуклонное движение рефлексии, в том числе и художественной рефлексии, деконструировало все возможности самопостижения, разрушило любые традиции и подвергло критике любую веру. Это было мощным актом критической мысли, но на выходе мы не обрели ничего, а точнее обрели *ничто*.

И даже хуже: просто пропало высшее. Как возможно выполнять миссию по выражению и передаче высших смыслов, если они полностью утрачены, и никто больше не верит в их реальность? А вместе с этой ориентацией на высшее, пропали и критерии для определения того, что есть культура, что есть искусство да, собственно, и того, что есть сам человек.

Так ли это на самом деле? Или это тоже иллюзия?

И если это не иллюзия, есть ли возможность этому как-либо противостоять, стремясь сохранить то, что ценно?

Современные проблемы

Усложнению современных определений культуры и искусства способствует не только кризис традиции, религии и представлений о духовном, развернувшийся в последние два столетия. По сути дела, эти два столетия развития критической мысли и реформаторства в сфере искусства подарили миру величайшие художественные достижения. Опустошение, к которому привела эта буря развития и смены форм ко второй половине XX века, с одной стороны, было закономерным итогом слишком интенсивного

и напряженного творческого процесса, а с другой стороны представлялось скорее плодотворной почвой для будущих свершений. Но свое слово в усугублении ситуации сказали и новые формы социальных связей, развитие массового общества, изменение способов передачи информации и технологический прогресс.

Новые технологии позволяют создавать произведения, нацеленные на массовый спрос, практически без приложения усилий, закрывая таким образом потребность масс в привлекательном для них, апеллируя при этом к самым простым желаниям, не требующим большого культурного развития. Профессионализм художника, его владение мастерством, больше не составляют его преимущества, и необходимость его вызывает большие дискуссии. Цели художественного выражения не определены: развлечь ли, научить, возвысить, довести до аудитории нужный набор идей или просто быть дорого проданным? Многообразие и доступность медийных потоков заполняет Интернет-пространство огромным количеством информационного «мусора». Критерии определения искусства теряются как по внутренним причинам, связанным со сложностями художественной рефлексии, так и по чисто внешним. Во множестве форм общественной жизни среди множества разных культур и субкультур, а также еще более мелких социальных образований всех возможных уровней, при бесконечном разнообразии вкусовых различий, никакой единой идеи прекрасного больше не остается.

Варианты ответа

Итак, представим себе ситуацию. Молодой человек, не имеющий музыкального образования, но умело воспользовавшийся компьютерной программой, способен написать произведение, которое вполне удовлетворит потребность весьма большого количества людей в музыкальном оформлении их жизни. При отсутствии общего стандарта никто не сможет объявить, что их вкус неуместен, тем более что они вполне

имеют право руководствоваться в своем выборе лишь стремлением к удовольствию, а не стремлением к высшей цели, затем, что никакой высшей цели, собственно говоря, и нет. Также этот человек вполне может быть коммерчески успешным и договориться с концертными залами и площадками о проигрывании своих произведений, а поскольку это выгодно, в мире коммерции он не получит отказа.

В то же самое время профессионал, обладающий тонким музыкальным чувством, может быть невостребованным, не соответствующим желаниям, отягощающим жизнь масс и никаким образом коммерчески не выгодным. Так стоит ли игра свеч?

Что можно было бы с этим сделать?

Ответ, который напрашивается первым, но также вызывает сомнения: нужно ввести общий стандарт, установить цель, дать набор идей – идеологию, – который утвердит, каким именно должен быть выбор. То есть применить некие инструменты пропаганды для распространения культурных и художественных ценностей. Возможно, следовало бы даже возродить художественные советы наподобие тех, что действовали еще в Советском Союзе и, как теперь становится понятно, позволяли обеспечить отбор лучших профессиональных произведений, хотя, конечно же, во многом сильно усложняли жизнь свободным творцам. Следовало бы внедрять в массовое сознание превосходнейшие образцы художественного творчества...

Но все не так просто: то, что развивается, развивается естественным путем. Механизмы пропаганды успешно действуют только там, где пропаганда совпадает с глубинным чаянием масс, она формирует их волю, но в то же время и формируется ею. Если что-то идет вразрез с этим подспудным молчаливым требованием, этой силой скрытого желания, оно не может быть внедрено. Пропаганда способна подталкивать массы как к лучшему, так и к худшим вариантам того, чего они сами хотят, протаптывая

либо более сложные, изощренные, либо более простые и грубые тропы к удовлетворению влечения. Но она не может пойти вовсе наперекор подспудной логике развития.

Мы можем надеяться, что, распространяя образцы высокого искусства, добьемся интереса к нему, но не случится ли так, что эта политика вызовет противоположный эффект?

К тому же, конечно же, важно, в чьих руках находится пропагандистский инструмент, насколько глубоко те, кто распространяет идеи, понимают, что они делают и к какой движутся цели, каковы их критерии вкуса и тайные помыслы, а также есть ли среди них хоть какое-то согласие. Словом: а судьи кто?..

Другой вариант ответа состоит в умеренно-контролируемой самоорганизации. Избегая резкой направленной пропаганды, можно дать возможность глубинным процессам развиваться самим по себе, направляя и корректируя их, чтоб они не скатились на низшие уровни своих возможностей, а раскрыли лучшие, положительные черты. Мы можем предположить, что и в современном мире в человеке по-прежнему осталось стремление к высокому и стремление к прекрасному. Просто оно существенно изменило свои формы, переструктурировалось в своих целях, стало более многообразным, и не всегда соответствует старым представлениям о художественном идеале.

Мы можем констатировать разрыв поколений: современной молодежи бывают непонятными и чуждыми старые образы искусства – не потому, что ей не хватает образованности, чувства, знания, вкуса, а просто потому, что сама структура ее образных запросов изменилась. Изменилась ситуация – изменился набор проблем, набор переживаний, набор внутренних состояний. Но и в нем можно взрастить нечто важное и художественно ценное.

В целом можно сказать, что в современной отечественной ситуации видны признаки некоего постепенного духовного возрождения, а также возрождения интереса к художественной жизни. Множество художественных проектов организуется без специального давления сверху, люди явно готовы к тому, чтобы воспринимать и творить, а в этом творчестве очевиден вполне человеческий, гуманистический запрос.

В некотором смысле, хотелось бы сказать, что задача состоит скорее в том, чтобы не загубить эти ростки, дать им развиваться; не задавить, а привести в оформленное состояние.